

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

ВАРШАВА И БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС — БЕК XX

Белорусский вопрос во второй Речи Посполитой, как историки часто называют возродившуюся в 1918 году Польшу, возник под громкие заявления польских политиков о том, что на самом деле такого вопроса не существует. Сами же “польские роды” были довольно сложными. Перед Первой мировой войной появилось несколько проектов восстановления польского государства. Одним из них предполагалось объединить польские земли под эгидой русского царя. Другим был проект немецкого кайзера, но немцы на сей счет высказывались весьма туманно. Проектом австро-венгерского императора предполагалось провозгласить Герцогство Краковское. Уже само наличие такого числа проектов говорит о том, что вопрос о восстановлении государственности Польши с началом Первой мировой войны встал в полный рост, а к тому, что ответ на него придётся давать, пришли все три империи, разделившие в конце восемнадцатого и переделавшие в начале девятнадцатого века первую Речь Посполитую — Речь Посполитую Обоих Народов, объединявшую Королевство Польское и Великое Княжество Литовское, Русское и Жмудское. Однако после войны к реализации был принят четвёртый проект, сформулированный президентом США Вудро Вильсоном в одном из его знаменитых “Четырнадцати пунктов”. По иронии судьбы это был тринадцатый пункт. Он предусматривал воссоздание Польши на сугубо этническом принципе и включение в неё только тех территорий, на которых “преобладание польского населения было бы бесспорным”. В соответствии с этим положением Версальская конференция, подводившая итоги Первой мировой войны в 1919 году, направила своих делегатов на земли уже развалившихся России, Германии и Австро-Венгрии, чтобы установить, где именно преобладают поляки. Посланные констатировали, что в большинстве своём обитают они на землях, входивших в Российскую Империю, а в Австро-Венгрии и Германии — уже, по преимуществу, онемечены. Делегаты обозначили восточную границу преимущественного обитания поляков — линию Керзона. Она, в основном, совпадала с нынешней границей между Беларусью и Польшей, а на некоторых участках проходила ещё западнее. Кстати, западнее Бреста и Белостока в своё время проходила и граница между Великим Княжеством Литовским, Русским и Жмудским и Польской Короной в первой Речи Посполитой.

Но был и ещё один план — собственно польский. Он предусматривал восстановление Польши в границах 1772 года, и для его реализации новые поль-

ские власти приложили немало сил. А начиналась вторая Речь Посполитая с того, что в ноябре 1916 года Австро-Венгрия и Германия, оккупировав польские земли, входившие ранее в состав России, провозгласили самостоятельность Польши без указания её границ. В то время по Европе даже ходила шутка, что Польша является самым большим государством в мире, так как никто не знает, где заканчиваются её пределы. Вполне возможно, что эту шутку запустили сами поляки, которым никогда не отказывало чувство юмора. В качестве органа управления объявленным государством был создан Временный Государственный совет. В сентябре 1917 года вместо Временного Государственного возник Регентский совет.

После февральской революции в России уже 27 марта 1917 года по новому стилю Петроградский совет декларировал право наций на самоопределение, которым, как подчеркивалось в той декларации, могла воспользоваться и Польша. Через два дня Временное правительство, в свою очередь, выступило с заявлением, согласно которому должно быть создано польское государство, находящееся в союзе с новой Россией. Правда, реализация этого вопроса откладывалась до окончания войны и принятия соответствующих решений Учредительным собранием России. Позицию Временного правительства России одобрил и Регентский совет Польши, однако при этом подчеркнул, что границы между Польшей и Россией должны стать предметом выяснения интересов, а не простого размежевания, сформулированного Учредительным собранием в Петрограде.

Между тем в Люблине 7 ноября 1918 года возникло “народное правительство”, которое заявило о роспуске Регентского совета. В результате трений между этим советом и *правительством 14 ноября* власть была передана организатору польских легионов, воевавших против России в составе австро-венгерской армии, Юзефу Пилсудскому. Притом передана была вся полнота власти – законодательной, исполнительной, военной, а сам он был назначен временным Начальником государства. И в обиходе, и в прессе его стали называть Комендантом.

Уже 16 ноября 1918 года Пилсудский уведомил все страны о создании независимой Речи Посполитой. Все, кроме России. О том, что новая власть в Варшаве не собирается разговаривать с новой властью в Петрограде, красноречиво свидетельствовал и расстрел поляками миссии Русского Красного креста, случившийся 2 января 1919 года. Она направлялась в Польшу для установления политических контактов, а также по делам русских военнопленных, находившихся в то время в лагерях на польской территории. Не помогло миссии даже то, что возглавлял ее поляк Бронислав Весоловский, кстати, один из соавторов программы партии польских социал-демократов – Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПил). В некоторых публикациях встречаются утверждения, что Пилсудский не желал разговаривать с большевиками потому, что не считал их власть законной, забывая, что сам он стал Начальником тоже не в результате всенародного голосования.

Германо-российский фронт в то время проходил восточнее белорусского Минска – по линии Полоцк–Орша–Могилёв. Но в ноябре 1918 года в Германии тоже случилась революция, немецкие войска стали возвращаться домой. Освобождаемые ими территории занимали советские части. В Минск они вступили 10 декабря 1918 года, в начале января 1919 года – в Мозырь, Гомель, Слоним. Пинск красные заняли 24 января, выбив оттуда отряды Украинской Народной Республики, которая тоже стремилась распространить свою юрисдикцию как можно дальше на север, включая Кобрин, Пружаны, Жабинку, то есть почти на всю нынешнюю белорусскую Брестскую область. Аппетиты тогда разгорались не только у поляков! А 28 января советская власть пришла в Гродно. Варшава немедленно заявила Москве, что наступление Красной Армии в Литве и Белоруссии является агрессивным актом в отношении Польши, поэтому “польское правительство будет готовиться к защите территорий, заселённых польской нацией”.

Москва ответила, что её войска нигде не вступали на территорию, которая мола бы быть “рассматриваема как принадлежащая Польской Республике”. К этому времени уже была провозглашена Литва, затем Литовская ССР, всего два дня оставалось до провозглашения ССРБ, как поначалу называлась Советская Белоруссия. Заседания по этому поводу в Смоленске уже шли. О создании Советской Белоруссии было объявлено 1 января 1919 года,

но в этот же день польские войска заняли Вильно, откуда их красноармейцы выбили 6 января. Однако ещё в марте 1918 года заявило о себе руководство Белорусской Народной Республики. Её провозглашение, как и Польши, тоже произошло в условиях германской оккупации. Руководители БНР успели даже послать верноподданное письмо немецкому кайзеру, чего не делали поляки, правда, кайзер к тому времени уже был смещён и укрылся в Голландии.

Появление новых государственных образований к востоку и к западу несколько не смутило Пилсудского. Польская армия двинулась на восток. 9 февраля 1919 года она заняла Брест, 2 марта – Слоним, 5 марта – Пинск. К 15 марта советско-польский фронт проходил уже по линии Лида–Барановичи–Лунинец. На политическом фронте Варшава продолжала хранить абсолютное молчание, считая, что любые переговоры с большевиками засвидетельствовали бы признание ею советского правительства. Между тем, народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин 10 февраля 1919 года направил в Варшаву министру иностранных дел Польши И. Падеревскому – политику и композитору – специальную ноту с предложением установить нормальные отношения и урегулировать спорные вопросы мирным путём. “Российская Советская республика, – говорилось в ноте, – стремящаяся жить в неизменной дружбе со всеми народами, всегда желала и горячо желает сохранить мирные и добрососедские отношения с польским народом. Русское Советское правительство ясно обнаружило своё желание оказать услугу и быть полезным польским народным массам тем, что оно тщательно оберегало находящиеся в его руках польские национальные сокровища, польские древности, неоценимые произведения искусства, картины знаменитых художников, рукописи польских композиторов, вообще унаследованные от исторического прошлого Польши сокровища, в числе которых одних лишь колоколов, представляющих значительную художественную и историческую ценность, насчитывается несколько тысяч. Русское Советское правительство с неизменным вниманием сохраняет эти ценности с той целью, чтобы возвратить их, когда настанет момент, братским народным массам Польши”.

Конечно же, наивно было бы думать, что Г. В. Чичерин, подписавший эту ноту, руководствовался только побуждениями, связанными с возвращением польских ценностей. Нарком обращал также внимание Варшавы на то, что “отряды польских легионеров продолжают участвовать в военных действиях, ведущихся контрреволюционными белогвардейскими бандитами против Российской Советской республики в Мурманском крае, в Сибири и других местах”. Нота требовала, чтобы польское правительство “положило конец этому недопустимому положению дел”. В ней сообщалось, что “горячо желая устранить и теперь всякую причину конфликтов с правительством Польской республики и установить с ним нормальные отношения, русское советское правительство примет, исходя из этого стремления, делегата правительства Польской республики”. Более того, подчёркивал Г. В. Чичерин, оно “вошло в сношения с братскими рабоче-крестьянскими правительствами Литвы и Белоруссии, чтобы гарантировать делегату правительства Польской республики беспрепятственную поездку до Москвы и выяснить наиболее подходящий для него маршрут”. Советский нарком обращал также внимание своего польского коллеги на то, что некоторые вопросы, в частности, “те, которые относятся к территориальным соглашениям, должны будут разрешаться путём переговоров с правительствами Советских республик Литвы и Белоруссии, которых они касаются непосредственно”.

Польское руководство скрыло эту ноту от своей общественности, а когда её опубликовала газета “Пшелом” и поставила вопрос, почему нота утаена, сама газета была конфискована, издательство закрыто. Точно так же не была доведена до сведения польской общественности и посланная шесть дней спустя в Варшаву совместная нота Временного революционного правительства Социалистической Советской Республики Литвы и Центрального Исполнительного Комитета Советов БССР. В ней тоже содержался протест против “попытки со стороны Польской республики насильственным путём разрешить территориальные споры”. Варшава продолжала действовать так, словно никакой власти ни в Минске, ни в Вильнюсе не существует. А к тому времени польские дивизии под командованием генералов В. Ивашкевича и А. Листовского оккупировали Волковыск и западное Полесье. Вот что о доминировавших в Польше настроениях говорилось в датированном 11 апреля 1919 года конфи-

денциальном донесении американского представителя при миссии государств Антанты в Польшу генерал-майора Дж. Кернана президенту Соединённых Штатов Америки Вудро Вильсону: “Хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идёт речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив, . . . стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и об их намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько можно дальше. . .

Никто в настоящее время не нападает на Польшу. Наоборот, грустно смотреть, что в стране, где такая нужда, где все усилия правительства и все источники дохода должны были бы быть направлены на улучшение положения населения и государственного управления, всем завладел военный дух. Этот военный дух является для будущего Польши большей опасностью, чем большевизм. При хорошем правлении и создании равных возможностей для всех граждан с большевизмом можно справиться, а военную чуму, если она проникла в государство, выкорчевать значительно труднее. Существует опасность, что с прибытием (из Франции. – Авт.) армии Галлера будут предприняты агрессивные военные действия на русском, литовском и украинском фронтах. . .”. В этом же донесении сообщается, что “Польша стремится создать армию численностью до 600000 человек”.

Последующие события показали, что американский генерал не ошибся. Вскоре польская армия развернула наступление на три столицы – Вильнюс, Киев, Минск – и все три оккупировала. На белорусской территории были заняты Борисов, Молодечно, Бобруйск, Калинковичи, Мозырь и другие города, расположенные значительно восточнее Минска. На 1 июня 1920 года польские части стояли у Речицы, что на Днепре, а в районе Дрисы – теперь Верхнедвинск – они вышли на Западную Двину, всего ничего оставалось до Полоцка. Под оккупацией оказались почти все земли современной Белоруссии.

Видный немецкий дипломат Герберт фон Дирксен, как раз в те годы возглавлявший германскую миссию в Польше, в своих мемуарах впоследствии написал, что нападение на восточных соседей было абсолютно немотивированным, а захват Киева – это “старая мечта польского империализма”. В весьма резких выражениях отзывался о “польском империализме” и британский премьер Ллойд Джордж, причисляя его к самым воинственным, а его министр иностранных дел лорд Керзон прямо советовал Польше “удерживать свои притязания в разумных пределах, не стремясь поглотить народности, не имеющие с Польшей племенного родства и могущие быть лишь источником её слабости и распада”.

Однако в самой Польше к этому времени уже активно формулировались концепции, обосновывавшие претензии Варшавы на все земли первой Речи Посполитой, границы которой до первого её раздела в 1772 году проходили около Смоленска и Киева. Для понимания этих претензий и концепций лучше всего обратиться к трудам идеолога польского национализма начала прошлого века Романа Дмовского, который сыграл значительную роль в возрождении Польши и даже побыл некоторое время её министром иностранных дел. Важнейшим тезисом, которым Дмовский руководствовался, является следующий его постулат: “Между сильной немецкой нацией и русской нацией нет места небольшой нации, мы должны стремиться к тому, чтобы стать нацией большей, чем мы являемся”. Дмовский был уверен сам и убеждал европейских политиков в том, что возрождённая Польша по территории должна быть больше Германии и Франции вместе взятых и играть ведущую роль на континенте. Квинтэссенцией его подхода являлось убеждение в цивилизационном превосходстве поляков над всеми, кто живёт к востоку от Буга. В том, что он исповедовал именно такое кредо, легко убедиться, ознакомившись с содержанием двухтомника “Польская политика и восстановление государства”, изданного в Варшаве в 1989 году. Автором всех материалов в нём является сам Роман Дмовский. Кое-что из них стоит процитировать.

В “Памятной записке о территории польского государства, переданной министру иностранных дел Бальфуру в Лондоне в конце марта 1917 года” один из разделов озаглавлен словом “Россия”. В нём утверждается, что русские, к которым, по Дмовскому, относятся и предки нынешних белорусов, – это недотёпы, которые даже государства сами создать не смогли. Он убеждает Бальфура, что “восточные славяне, которые позже получили имя русинов и россиян, изначально (киевский период) политическую организацию получи-

ли от скандинавов”. Дмовскому в данном случае “не до головы”, что у самих скандинавов во второй половине девятого века, когда на Русь был призван Рюрик, государственности ещё не было, что шведское, норвежское и датское королевства появились лишь на исходе десятого и в начале одиннадцатого веков, о чём свидетельствует любая энциклопедия. А далее пан Дмовский попросту оставляет за пределами своего внимания то, что Русь-Россия уже в XI–XII веках была высококультурным государством, и входившие в её состав земли теперешней Беларуси не являлись исключением. Авторитет Полоцкого и Туровского княжеств был весьма высок, о чём говорит хотя бы то, что победитель тевтонов на Чудском озере Александр Невский в “жены себе поял”, как тогда говорили, дочь полоцкого князя Брючислава Васильковича. Василий – первенец Александра Невского – до пяти лет рос в Витебске, а княжеских детей в захолустье на воспитание, можно не сомневаться, не отдавали.

С великими и просто князьями Руси желали породниться все европейские династии, включая польские. Туровский князь Святополк был женат на дочери польского короля Болеслава. Бывало, что туровские владетели женились и на греческих царевнах. Дочери Ярослава Мудрого выходили замуж исключительно за европейских монархов. Анна Ярославна – жена французского короля Генриха I – до сих пор почитаема французами как просветительница, высокообразованная правительница, много сделавшая для новой родины, – она даже правила Францией в малолетство своего сына Филиппа I.

Касаясь того времени, академик Б. Д. Греков подчёркивал, что в XI веке Русь не была культурно отсталой страной. Наоборот, она шла впереди многих европейских государств, превзошедших её позднее, когда Русь “оказалась в особо тяжёлых условиях, приняв на себя удар монгольских полчищ и загорюдив собою Западную Европу”. Европа до эпохи Ренессанса значительно отставала в своём культурном развитии не только от Византии, с которой тесно сотрудничало русское государство, но и от Арабского халифата. По поводу замужества Анны Ярославны американский историк Роберт Месси пишет, что “от киевской княжны требовалась определённая жертва, чтобы покинуть родной город, находившийся тогда в расцвете своей цивилизации, и выйти замуж за представителя более грубой и примитивной французской культуры. Разница в культурном уровне обоих супругов видна из того факта, что Анна умела читать и писать и подписала своё имя под брачным документом, в то время как ее жених мог только нацарапать крестик”. С малых лет “прилежаниям”, Анна знала латынь и греческий язык, быстро усвоила французский и принимала деятельное участие в управлении государством. Вскоре сам Папа Римский Николай II прислал ей письмо, в котором писал о том, что “...с великой радостью слышим мы, что вы выполняете свои королевские обязанности с похвальным рвением и замечательным умом”. Все последующие французские короли были её потомками. Между тем отцу Анна писала, что Париж – город хмурый, некрасивый, сетовала, что попала в деревню, где нет дворцов и соборов, которыми был богат Киев.

Серьёзная наука, основываясь на археологических находках, в частности, берестяных грамотах, которых только в Великом Новгороде обнаружено около тысячи, давно уже доказала, что на Руси письменностью владели не только члены княжеских семейств. Если вести речь о её городском населении, то оно обладало грамотой во всей своей массе. В городах же проживала примерно четверть русичей. Не зря в других краях, например, в Скандинавии, Русь называли Гардарикой – страной городов. На найденных берестяных грамотах содержатся не только государственные тексты, но и бытовая переписка, даже любовные послания. В каждой их строке – не “высокий штиль” профессиональных писцов, а обычная жизнь. Так, в конце XIII века витебский житель Степан писал своему знакомцу Нежилу: “Если ты продал одежду, купи мне ячменя на 6 гривен. Если же чего-нибудь ещё не продал, то пошли мне сами эти вещи. Если продал, сделай милость, купи мне ячменя”. Также абсолютно конкретен документ о “взаимозачёте” обид и компенсаций Якова с Гюргиём и Харитоном в Новгороде за ущерб, нанесённый посевам: “Вот расчёлся Яков с Гюргиём и с Харитоном по бессудной грамоте, которую Гюргий взял по поводу вытопанной при езде пшеницы, а Харитон – по поводу своих убытков. Взял Гюргий за всё то рубль и три гривны и коробью пшеницы, Харитон взял десять локтей сукна и гривну. А больше нет дела Гюргию и Харитону до Якова, ни Якову до Гюргия и Харитона. А на то свидетели Давыд, Лукин сын,

и Степан Тайшин”. Приведённая запись говорит и о высокой правовой культуре населения. А сколько боли сердечной в любовном письме девушки начала XII века: “Я посылала тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что ты в эту неделю ко мне не приходил? Я к тебе относилась, как к брату. Неужели я задела тебя тем, что посылала? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под глаз и примчался...”. Получи нынешний молодой человек такие слова на свой мобильник, точно помчался бы...

В то далёкое время прихожане писали священникам, дети – родителям и наоборот, заказчики – своим мастерам, крестьяне – владельцам сёл, ростовщики – должникам. Среди древних берестяных посланий много писанных женщинами, что тем более свидетельствует о распространённой среди населения грамотности. А граница между бесписьменностью и письменностью и теперь считается границей цивилизованности.

Что касается земель нынешней Беларуси, то некоторые авторы утверждают, что они входили в круг наиболее культурных и экономически развитых в древнерусском государстве. В книге историка Г. М. Филиста “Введение христианства на Руси”, изданной в Минске в 1988 году, говорится, что “в X <еке>, благодаря многочисленным судоходным рекам, развитому земледелию и ремеслу, край являлся своеобразным центром торговли всей Киевской Руси. Здесь проходили основные торговые пути из Новгорода в Киев и с Запада на Восток. Об этом свидетельствуют многочисленные находки римских, германских, восточных кладов. С развитой торговлей были непосредственно связаны успехи материальной и духовной культуры”. Не грех об этом помнить ещё и потому, что та цивилизованность, та культура, та грамотность потом стали “цементом”, который надёжно скрепил фундамент и стены Великого Княжества Литовского, Русского и Жмудского.

Само за себя говорит и то, что преобладающее большинство белорусских городов имеет многовековую историю. Бресту, Пинску, Новогрудку, Лиде, Минску, Орше, Борисову, Гродно, Гомелю и другим скоро “стукнет” по тысяче лет. А Полоцк, Витебск, Туров давно переступили этот рубеж. Наберётся ли такой список в Польше, Швеции, Норвегии? А ведь к некоторым белорусским городам судьба не была благосклонна. Деревней стало Крево, в котором обсуждалась уния между ВКЛ и Польшей в 1385 году, а ведь оно в то время являлось центром удельного Нальшанского княжества. Символом власти в том княжестве был огромный Кревский замок. Это в нём по приказу Ягайло был задушен его дядька Кейстут – претендент на великокняжеский трон. Туров – теперь поселок в Житковичском, Друцк – деревня в Толочинском районе, а они тоже были центрами княжеств. Здитову, который Ипатьевской летописью упоминается под 1252 годом, повезло ещё меньше. Теперь никто точно не знает даже о том, где именно город находился. Возможно, там, где нынче лежит деревня Здитово Берёзовского района. Раскопки, проведённые здесь сорок лет назад, показали, что материальная культура этого поселения близка к культуре Турова и городов Понемонья.

Один из белорусских историков, имя которого называть не буду, потому что речь идёт о давно состоявшейся частной беседе, говорил, что Русь, в состав которой входили и нынешние белорусские земли, демонстрировала высокие стандарты уже в то время, когда западноевропейские короли позволяли себе в одном углу комнаты есть, в другом – справлять естественную нужду: отхожими местами служили балконы, беседки, укромные комнаты.

Исследователь Э. Фукс пишет, что в Лувре в XVI веке можно было увидеть кучи экскрементов. В Лувре не было ванн. О французских королях тогда говорили, что их моют два раза в жизни: после рождения и после смерти. В книжках о “куртуазном обхождении” в кругу французских дворян писали, что если во время беседы с дамой на её лицо выползет вошь, не стоит обращать внимания, а если клоп – надо помочь ей сняться и раздавить насекомое. Главным изобретением против дурных запахов стал одеколон... “Куртуазные” шевалье не читали Геродота, потому не знали, что ещё в V веке до новой эры он писал о наших предках: “льют воду на камни и моются в хижинах”. Легенды утверждают, что даже Апостол Андрей Первозванный, в I веке ходивший далеко вверх по Днепру и далее до самого Новгорода, был встречен баней. И потом в Риме рассказывал об увиденном, а его слушатели “дивяхуся”. Баня считалась настолько важным элементом культуры наших предков, что было даже особое языческое божество – Банник, который терпеть не мог лоды-

рей и тех, кто редко его проводит, то есть не моется. Насельники, жившие по берегам Припяти, Днепра, Сожа, Двины, пишет белорусский историк “банного дела” А. Бирюков, приносили ему хлеб и соль и в обязательном порядке после мытья оставляли воду и веник. Одеколону они не знали, так как он при наличии бани не был нужен: чистое тело и так пахнет приятно. Историк Георгий Вернадский отмечал, что в шестнадцатом веке в наших краях общественные бани были ещё серьёзным источником дохода для бюджетов городов и местечек. Любили попариться наши предки и на жалели денег на гигиену...

Но пану Дмовскому надо было доказать, что до поляков и в отрыве от поляков говорить о какой-либо культуре и цивилизованности на наших землях просто невозможно, потому он рисовал собственные картины, которые с каждой страницей становились всё ужаснее. Если ему верить, то с восточными славянами, особенно с теми, которые после монголо-татарского нашествия ушли на территории между Окой и Волгой, вообще произошла настоящая этническая катастрофа. Там они смешались с “местными туранскими и финскими” племенами, и это слияние привело к появлению новой расы – так называемой великорусской, которая была лишена европейского влияния и стала развиваться как государство восточное. А вот западная часть Руси, “захваченная литовскими князьями, после унии Литвы с Польшей была постепенно включена в польское государство и, таким образом, попала под сильное западное влияние. Значительная часть её населения, в том числе вся шляхта, приняла от Польши её религию (римско-католическую), её язык, её обычаи и понятия и, усиленная польской колонизацией, стала частью польского народа”. Этим, по его мнению, повезло.

В разделе “Польская проблема” Роман Дмовский приводит дополнительные доводы: “...На всей той территории польская цивилизация до сих пор имеет преимущество, а польское меньшинство, многочисленное или нет, представляет там богатство, культуру и прогресс”. На этом основании Дмовский убеждает Бальфура, что этнографический принцип при возрождении польского государства не может быть применим. Взять тех же литовцев, развивает он свою мысль. Их слишком мало, чтобы они могли создать своё государство, потому будущее литовского народа может быть обеспечено только включением в состав польского. При этом, правда, Дмовский не смог умолчать о том, что сами литовцы не горят желанием стать подданными Речи Посполитой и что существует серьёзный антагонизм между литовцами и поляками, поскольку главными земельными собственниками в Литве являются поляки, а литовцам, значит, оставалось быть батраками.

Ещё в середине девятнадцатого века поляки резко противились всяким попыткам литовского национального возрождения, особенно использования в общественной жизни литовского языка. Поляков это явление во многом застало врасплох, тогда в полный голос стали говорить даже о “разводе Ягайло с Ядвига”. Что касается белорусов, то Дмовский утверждал, что этот деревенский народ вообще “находится на очень низком уровне просвещения и не высказывает сформулированных национальных устремлений”.

Спустя полгода – 8 октября 1918 года – многостраничный специальный “Мемориал о территории польского государства” Роман Дмовский представил и президенту США Вудро Вильсону. В нём Виленщина, Ковенщина, Гродненщина, Минщина, Витебщина, Могилёвщина вновь названы “давними территориями польского государства”. И вновь утверждалось, что единственной интеллектуальной и экономической силой на тех землях являются поляки, “русское (украинское), белорусское, литовское большинство”, по словам Дмовского, состоит “почти исключительно из мелких крестьян и духовенства”, а “белорусы представляют элемент расово абсолютно инертный. Нет среди них никакого национального движения, а также даже начал белорусской литературы”. Между тем, к этому времени уже в полный голос заявили о себе Янка Купала и Якуб Колас, Франтишек Богушевич, Дунин-Марцинкевич, Максим Богданович, Алоиза Пашкевич, Алесь Гарун – классики белорусской литературы. Поляки, настаивал Дмовский, представляют единственный культурный элемент и главную экономическую силу всего восточного края. Правда, на этих землях есть евреи, которые “добились значительного прогресса в экономической и умственной жизни края и как сила стоят на втором месте после поляков”. Но они “частично приняли русский язык и культуру” и настроены “скорее враждебно по отношению к полякам”.

Дмовский “пояснил”, какие земли следовало бы включить в состав Польши. Это Виленщина вместе с Вильно, Гродненская губерния, в которую в то время входила нынешняя Брестчина и часть украинской Волыни, например, нынешний Ковель, а также Минская губерния вместе с Минском, Слуцком, Пинском и другими городами. А ещё он высказал сожаление, что на Киевщине “элемент польский является довольно значительным, но не настолько сильным, чтобы эффективно руководить тем краем”, потому придётся от него отказаться. Правда, добавил при этом, как бы с опаской, что включение в состав Польши всех территорий, которые она может пожелать, поставило бы польское государство перед непосильной задачей, лишило бы его внутренней спаянности и устойчивости, что для Польши очень важно, поскольку она является соседкой Германии. Но создание отдельного литовского, белорусского и украинского государств “означало бы либо анархию, либо чужеземные правительства немцев”.

Надо сказать, что Роман Дмовский не был одиночкой. Любопытна в этом смысле и секретная “Записка начальника политического отдела департамента восточных земель М. Свеховского об основах польской политики на литовско-белорусских землях”, датированная 31 июля 1919 года. Она содержится во втором томе “Документов и материалов по истории советско-польских отношений”, изданном в 1964 году в московском издательстве “Наука”. Оставив за рамками своих размышлений интересы населения, принадлежащего к другим нациям, пан Свеховский проявил полную солидарность с паном Дмовским и к основным принципам польской политики на востоке отнёс следующие:

“1. Защита, и притом самая надёжная, от России, а следовательно, перенос границ с ней как можно дальше от центра Польши.

2. Создание условий для свободного и гарантированного самостоятельного национального развития польского населения на восточных землях, там, где это население выделилось компактными массами на небольших пространствах.

3. Сохранение вообще в сфере польского влияния всех тех земель, которые ощущали это влияние в период своего исторического развития”.

В том, что касалось бывшего ВКЛ, “мы должны будем констатировать... необходимость отрыва всех земель б. Великого Княжества Литовского от России...”. О белорусах же вновь говорится совершенно пренебрежительно: “Белорусы представляют собой наиболее неопределённый элемент...”. Требования независимости и неделимости белорусских территорий, которые были сформулированы белорусскими политическими деятелями, оказавшимися на территории, занятой польскими войсками, названы “скорее теоретическими”. И вообще, мол, “белорусский вопрос тесно связан с развитием наших военных действий на востоке и зависит от того, как далеко могут продвинуться наши войска”. Автор записки тоже убежден, что “Виленская и Гродненская губернии должны быть оставлены исключительны в сфере польского влияния, и белорусское движение на этих территориях... поддерживать не следует”.

Не дремали и поляки, проживавшие в то время непосредственно на белорусских землях. Они создавали национальные советы, ставившие перед собой задачу подчинить эти земли Польше. Их делегаты были даже посланы на Версальскую мирную конференцию. В упомянутом уже втором томе “Документов и материалов по истории советско-польских отношений” содержится протокол заседания Польского национального комитета в Париже от 2 марта 1919 года. Председательствовал на нём все тот же Роман Дмовский. Вот что тогда говорил граф А. Лубеньский – крупный представитель польских помещиков в Беларуси: “Мысль о присоединении к Польше и полном отрыве от России является общераспространённым стремлением и одной из кардинальных задач местного населения (польского. – Авт.). Поэтому следовало бы восстанавить здесь историческую границу как можно скорее, и не только потому, что это наше желание и исконное право, но и по другим причинам... Наша... линия идёт вдоль реки Двины, на определённом расстоянии от неё, сворачивает за Витебском к югу, направляется к реке Сож и соединяется с Припятью. Пространство между этими двумя реками представляет собой открытые ворота в Польшу, оно всегда было местом борьбы между Россией и Польшей... За ней расположены самые значительные железнодорожные узлы, а именно Витебск, Орша, Жлобин, Гомель, то есть вся коммуникационная железнодорожная сеть, которая представляет собой основу безопасности Польши.

Кроме того, за этой сетью железных дорог располагаются все водные пути; здесь находится канал между Березиной и Двиной, .. здесь протекает Припять с протоками... Кроме того, эта часть страны (Бобруйск, Пинск и т. д.) в целом слабо заселена белорусами. Она представляет собой ценный лесной массив. Мы не располагаем точными цифрами, определяющими его ценность, но приблизительно, по довоенным ценам и в довоенной валюте, она составляет около 2,5 миллиарда рублей. О современной стоимости судить гораздо труднее. Таким образом, для нашей казны этот лесной массив представляет особый интерес. Если мы не получим его, — я подчеркиваю это, — то лишимся возможности получать лесоматериалы для шахт, в которых они нуждаются... Вся эта территория, несмотря на её слабую эксплуатацию в настоящее время, может служить колонией, дающей важное сырьё”.

Насчёт малой заселенности граф врал. Фактически дело обстоит как раз наоборот. Именно Брестчина, Пинщина всегда отличались большими деревнями, в которых средним, нормальным количеством домов считалась цифра 500, а некоторые села насчитывали более тысячи дворов, например, Мотоль в нынешнем Ивановском районе, Белоуша, Рубель — в Столинском. Деревня же в семьдесят домов, как моя родная Переспа, называлась маленькой. Кстати, тогда же А. Лубеньского, надо полагать, не умышленно, опроверг сам председательствующий Роман Дмовский, сказав, что территория к востоку от Бреста заселена как раз густо, но не польским населением.

Другой участник этого заседания, близкий к Пилсудскому географ Суйковский, тоже признавал, что “польское влияние в этих землях в определённой степени является скрытым”, что “большая часть населения имеет явно выраженные белорусские черты даже тогда, когда оно католическое”, поэтому “мы понимаем, что на конгрессе нельзя приводить тех доводов, которыми мы оперируем здесь. Эти земли необходимы нам для расширения наших владений, но об этом мы не можем заявить на конгрессе”. Он сформулировал два вопроса: первый — что можно выторговать на конгрессе; второй — что можно защитить в случае войны. И добавил: “Надо стремиться к тому, чтобы и тот, и другой вопросы были решены в нашу пользу”. Пан Суйковский предостерег единомышленников, что “требование поляков присоединить белорусов к Польше может повлечь за собой, если учесть нескрываемое желание Англии ограничить аппетиты Польши, обвинение нас в империализме, так как в данном случае мы требуем присоединения непольских земель”. Это “особенно угрожает нам со стороны американцев, которые считают этнографические условия решающим доводом”. А американские представители, оказываясь, знали значительно больше, чем “это для нас было бы желательным”.

Суйковский предложил обсудить принцип федеративного устройства польского государства, однако не скрывал, что федеративность должна быть только видимой. Главное для него состояло в том, что “провозглашение самостоятельности Литвы (речь идёт о бывшем ВКЛ. — Авт.), пусть даже самостоятельной лишь по видимости, сняло бы с Польши обвинение в империализме, — только такая постановка вопроса позволит нам проникнуть за Днепр, за Двину с целью создания огромной стратегической Польши...”. Этот политик тоже осознавал зыбкость своих суждений, потому открыто заявлял: “...Осуществление программы присоединения Литвы к Польше, — путём ли инкорпорации или образования федерации, — мы будем вынуждены провести при помощи польских штыков”. Касаясь волеизъявления литовского и белорусского народов, он говорил вполне недвусмысленно: “Надо быть чрезвычайно осторожным при организации выборов, так как выборы... могут дать просто смехотворные результаты, .. если их внезапно попытаются провести там на демократической основе...”.

Но идею федерации не принимал Дмовский, поскольку был обуян желанием создать Польшу, на которую европейцы будут смотреть “как на самый сильный элемент в Восточной Европе”. Он считал, что “на нас падает небывалая ответственность за будущность всей Европы”, потому полагал, что федерация — это “слабость, а не сила”.

Федерация, по мнению Дмовского, невозможна ещё и потому, что для неё необходима способность к компромиссу, а в Европе нет населения, “менее способного к этому, чем... народы на востоке”. Не очень-то доверяет он и полякам, ибо если в сейме окажется 25 процентов депутатов-неполяков, “то всегда смогут найтись 25 процентов поляков, которые, преследуя собствен-

ные цели, объединятся с ними”. Потому необходимо государство “с максимально сильной центральной политической властью”. Иностранцам верить нельзя. Пан Дмовский предпочёл бы, чтобы “украинцы, населяющие Волынь, жили где-либо в других местах, а здесь я хотел бы видеть жителей Поморья”. Что касается белорусских земель, в частности, Гомельщины, то эти “земли можно было бы присоединить к Польше, а потом провести колонизацию”.

Польский помещик на белорусских землях М. Довнарвич, похоже, был лучше осведомлён о настроениях местного населения, потому предостерег от чрезмерного увлечения: “Мне кажется, что если речь идёт о продвижении границы на восток, то это весьма небезопасно, так как национальное самосознание там достаточно сильно развито”. Но о белорусах он тоже отзывался пренебрежительно, называя их не вполне сложившейся нацией. Через несколько лет история сыграла с паном Довнарвичем довольно злую шутку. Именно на территории Беларуси, где он некоторое время пробыв Полесским воеводой, в 1924 году белорусские партизаны во главе с Кириллом Орловским остановили поезд воеводы около Лунинца, обезоружили его охрану, а самого воеводу заставили по телеграфу оповестить Варшаву о том, что он покидает свой пост. В самом деле, трудно было превращать белорусские земли в польские, а белорусов в поляков...

Итог дискуссии подвёл Р. Дмовский: “... Не будем скрывать от самих себя, что население, проживающее к востоку от Польши, .. обладает чрезвычайно низкой моральной культурой, и поэтому там легче всего всплывают на поверхность отбросы общества, люди, с которыми невозможно договориться, которых невозможно склонить к тому, чтобы они нам верили и поддерживали с нами какие-либо отношения”. Принцип федеративного устройства государства он предложил “решительно отбросить”, и предложение было поддержано одиннадцатью голосами против трёх с одним воздержавшимся.

Не больше, чем Советам, повезло в контактах с руководством возобновлённой Польши и представителям Белорусской Народной Республики, провозглашенной в марте 1918 года антибольшевистскими силами. В протоколе съезда инструкторов польской “Стражи кресовой”, который состоялся 16 и 17 сентября в Варшаве, говорилось следующим образом: “Белорусский козырь нам может пригодиться лишь для того, чтобы отодвинуть сферу русского влияния дальше на восток. Прибывший недавно в Варшаву председатель Белорусского совета г. Луцкевич хочет спасти фикцию (белорусского) государства и ведёт переговоры с польским правительством. Правительство, учитывая отсутствие реальной основы у этой программы, без особой охоты ведёт переговоры”. Эти слова принадлежат депутату сейма З. Лехницкому. Ему чуть ли не слово в слово вторил один из основателей “Стражи кресовой” Б. Строчки: “Суть нашей программы по восточному вопросу состоит в том, чтобы как можно больше отобрать у России и как можно дальше отодвинуть её границы”.

В Раде (Совете) БНР, которую поляки называли Белорусским советом, развернулась ожесточённая борьба. Меньшая её часть – во главе с И. Луцкевичем – выступила за федерацию с Польшей, а большая – во главе с И. Ластовским – продолжала протестовать против польской оккупации. О том, как Польша на практике вела переговоры с белорусской стороной, свидетельствуют материалы совместной конференции представителей БНР и польского правительства, состоявшейся в Минске 20–24 марта 1920 года (“Документы и материалы по истории советско-польских отношений”). Вот как, судя по отчёту уполномоченного по северо-восточным делам Л. Василевского, на предложение представителя Рады реагировала польская сторона по конкретным пунктам: “Декларация о защите целостности Белоруссии и обязательство решить судьбу белорусских земель согласно воле народа. ОТКЛОНЕНО.

Посылка делегации Белоруссии на мирную конференцию (в Париж. – Авт.). ОТКЛОНЕНО.

Декларация о равноправии белорусского языка с польским. ОТКЛОНЕНО.

Декларация об автономии белорусской школы. ОТКЛОНЕНО.

Декларация о создании польско-белорусской следственной комиссии, связанной с так называемой ликвидацией большевизма. ОТКЛОНЕНО.

Декларация о создании генерального комиссариата по белорусским делам. ОТКЛОНЕНО.

Создание в Вильно литовско-белорусского правительства. ОТКЛОНЕНО.

Объявление государственным Белорусского педагогического института в Минске с ежегодным ассигнованием ему 900000 марок (в то время польские деньги ещё назывались марками, а не злотыми. — Авт.). ОТКЛОНЕНО.

Объявление государственным трёх учительских семинарий с ежегодной субсидией 1500000 марок. ОТКЛОНЕНО.

То же в отношении четырёх гимназий. ОТКЛОНЕНО.

Созыв Всебелорусского съезда. ОТКЛОНЕНО”.

Все другие пожелания, а они были связаны с ассигнованием средств для правительства БНР, резко уменьшены. Как написал в своем отчёте Л. Василевский, минимальная сумма требуемых белорусами субсидий сокращена с 29255000 до 10717000 марок, причём из этой суммы срочными были признаны только 3609000 марок. Весь смысл переговоров польская сторона сводила к тому, “чтобы заручиться поддержкой со стороны белорусов нашей позиции в отношении Советской России ценой принятия сокращённых до минимума насущных требований” БНР, исключив все декларации политического характера. Польша старалась избегать любого упоминания о возможной независимости белорусских земель.

А на международной арене делались заявления о том, что вообще никакого белорусского правительства нет. Рада БНР, особенно та её часть, которая приняла сторону Ластовского, всячески протестовала против такой трактовки. Весьма активной в этом смысле была военно-дипломатическая миссия БНР в Латвии, которую возглавлял Константин Езовитов. В Национальном архиве Республики Беларусь содержится немало документов на сей счёт. В январе 1920 года К. Езовитов направил для рижских газет специальное разъяснение, касающееся белорусско-польских отношений: “В латышских газетах за 4 января от имени польской миссии в Латвии сообщается, что Белорусской Народной Республики как государства не существует. Представительство Белорусской Народной Республики в лице Чрезвычайного представителя БНР в Балтике инженера Душевского и шефа Военно-Дипломатической миссии БНР полковника Езовитова объявляет, что означенное сообщение не соответствует действительности и вызвано либо полной неосведомлённостью польской миссии в делах БНР, либо явно враждебным отношением к белорусской государственности и белорусскому народу. Польские войска действительно всё ещё продолжают находиться на белорусской территории, но только на правах оккупационных войск...”.

Обращаясь к министерству иностранных дел Франции в январе того же года, К. Езовитов писал: “С первых же шагов заверения польского правительства о полной лояльности к местному населению и сохранении всех национальных и территориальных его прав были Польской Армией грубо нарушены. Тюрьмы Волковыска, Белостока, Варшавы, Кракова были переполнены белорусскими общественными и политическими работниками. Повсюду на Белоруссии вводилась польская администрация, школа, суд, язык. Все, не желавшие с этим примириться, арестовывались, объявлялись большевиками. Акты насилия настолько многочисленны, что потребовалась целая книга для их освещения. Книга эта, изданная пока только на белорусском языке под названием “Белорусы и поляки”, к сему прилагается... Для правительства Белорусской Народной Республики совершенно ясно, что правительство Польши имеет в виду изъять все руководящие белорусские национальные силы, уничтожить белорусскую культуру и затем насильственным путём присоединить... Белоруссию к Польше... Перед лицом смертельной опасности для белорусской культуры правительство Белорусской Народной Республики обращается к правительству Франции с горячим протестом против польского насилия...”. Такое же послание было направлено правительствам Великобритании и Соединённых Штатов. К. Езовитов убеждал своих контрагентов в том, что связь с Польшей — “искусственная, нелепая и нежизненная мера, противная белорусскому народу и не дающая Белоруссии необходимых элементов для экономического благополучия”.

Столь же активно протестовал и сам В. Ластовский. Обращаясь к правительству Польши, он писал: “Пилсудский заявлял, что польский меч несёт свободу и независимость. Так признайте же Белорусскую Народную Республику”. Действительно, в своём интервью французской газете “Эко де Пари” Комендант высокопарно утверждал, что “свобода земель, нами оккупированных, является для меня единственным решающим фактором... Мы на штыках

несём этим несчастным землям свободу без всяких оговорок”. Как оказалось, эти слова были предназначены для французского уха и глаза, но не для тех “несчастных”, которые жили на оккупированных землях. Призыв Ластовского остался без ответа. Как следует из составленной в Париже Записки Польского национального комитета о политике в отношении восточных границ Польши, “для интересов Польши было бы вредным существование самостоятельных, не связанных с ней малых государств, таких как Белоруссия или Украина, если это вообще возможно”. В этой же Записке приводится ещё один любопытный “аргумент в свою пользу”: если Польша “думает удержаться на землях бывшего Великого Княжества Литовского” и доказать, что они имеют “польский характер”, “прежде всего, сама Польша должна рассматривать эти территории как польские, как свои собственные”.

Во втором томе “Документов и материалов по истории советско-польских отношений” содержится немало свидетельств, напоминающих о том, как польские оккупационные власти и их войска вели себя на белорусской земле. Вот радиограмма председателя Совета Народных Комиссаров Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики В. Мицкевича-Капсукаса правительствам стран Антанты и Германии: “Повсюду... – расстрелы, повешения, запарывания до смерти, варварские истязания и пытки... Еврейское население почти повсеместно истребляется; заподозренные в близости к Советской власти расстреливаются или вешаются на месте. Тюрмы переполнены, заключенные содержатся в таких условиях, что медленно умирают”. В этой радиограмме, датированной 28 марта 1919 года, В. Мицкевич-Капсукас предупредил адресатов, что, дабы пресечь такие действия, советское правительство вынуждено будет брать заложников из “зажиточной польской буржуазии и помещиков, имеющих отношение к польским контрреволюционным”. Менее чем через месяц – 20 апреля – нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин писал чрезвычайному уполномоченному министерства иностранных дел Польши А. Венцковскому о “неслыханных зверствах, чинимых польскими легионерами”. При этом подчёркивалось, что репрессии распространялись даже “на Красный крест и на санитарный персонал”: 6 марта “после вступления польских легионеров в Пинск было расстреляно несколько санитаров в госпитале № 1”.

Особенно доставалось евреям, о недоверии к которым говорил ещё Роман Дмовский, обвиняя их в том, что они частично уже восприняли русскую культуру. В. Мицкевич-Капсукас 25 мая 1919 года сделал новое заявление: “После погромов в местечках Гродненской области... пошли погромы в Пинске (расстреляны несколько десятков ни в чём не повинных людей), потом погромы в Лиде, унесшие сотни жертв, погромы в Вильно, унесшие около двух тысяч жертв. Еврейская община города Вильно опубликовала в виленских газетах заявление: много невинных евреев из мирного населения, не имеющих абсолютно ничего общего с борьбой польских войск с большевиками, перебиты без всякого следствия и суда, сотни невинных евреев без различия пола и возраста зверски избиты у себя дома или на улице, тысячи еврейских квартир разграблены, и большая часть еврейского населения совершенно разорена, тысячи невинных евреев, среди которых немало выдающихся личностей и известных общественных деятелей, без всякого основания арестованы, избиты и посажены в разные тюрьмы, где их держали без воды и питья и где им пришлось подвергнуться самым большим оскорблениям. Эти явления не прекратились даже после того, как еврейские представители довели до сведения властей о том, что происходит в городе. То же самое делалось и в Лиде”.

Во второй день июня в советской ноте правительствам стран Антанты сообщалось, что польские войска, оставив белорусский город Борисов под натиском красного Западного фронта, уже с другого берега Березины подвергли его такому уничтожающему артиллерийскому обстрелу, что превратили город в груды дымящихся развалин. В огне погибли сотни людей, а десять тысяч населения оказались под открытым небом. На следующий день – 3 июня – Г. В. Чичерин направил ноту правительству Польши: “Неслыханные жестокости, погромы и расправы, которые стали повседневным явлением в практике польских войск и которые обгарили кровью улицы Вильно, Лиды, Пинска и бесчисленного количества других городов и сёл...”. Говоря об убийствах красноармейцев и советских служащих после захвата Вильно, Чичерин добавляет: “Но обычный репертуар репрессий всё же остался бы неисчерпанным,

если бы не был завершён форменным и грандиозным по размерам еврейским погромом. Город был буквально отдан солдатам на поток и разграбление. Приказ о прекращении грабежей был опубликован только 24 апреля, тогда как войска вступили в город 19 апреля; фактически же грабёж продолжался до 9 мая...". Г. В. Чичерин в своей ноте приводит даже выдержку из "виленского органа белорусских националистов, непримиримых противников большевиков" — "Белорусской думки", которая на восемнадцатый день после вступления польских войск в город написала: "Уже далеки от нас пушечные выстрелы, уже не слышно пулемётной перестрелки, пора уже немного успокоиться нервам, немного улечься злобе, ненависти и жажде мести. Прямо скажем: пора уже, чтобы еврей мог выйти на улицу, не боясь, что из-за его носа выпотрошат ему кишки, снимут с пальцев кольца, отнимут деньги..."

То, что советский нарком приводил правдивые данные, потом подтвердил польский министр иностранных дел Ю. Бек. Документы сохранили его рассказ о том, как он с сослуживцами пробирался через "большевизированную Украину". В ходе того похода "в деревнях мы убивали всех поголовно и всё сжигали при малейшем подозрении в неискренности. Я собственноручно работал прикладом". Вот так-то. Не требовалось даже каких-то враждебных действий со стороны населения, достаточно было усмотреть неискренность. А вот несколько примеров из книги И. В. Михутиной "Польско-советская война в 1919–1920 годах": в присутствии генерала Листовского, командовавшего оперативной армейской группой на Полесье, застрелили мальчика за то, что то "якобы недобро улыбался". На глазах у представителя Главного управления восточных земель М. Коссаковского "кому-то в распоротый живот зашили живого kota и побились об заклад, кто первый подохнет: человек или кот". Один офицер "десятками стрелял людей за то, что были бедно одеты и выглядели, как большевики", а убить или замучить большевика "не считалось грехом", свидетельствовал тот же М. Коссаковский.

Финал той войны, которую теперь принято называть польско-советской, для белорусов мог бы быть куда более печальным, чем тот, который получился по Рижскому договору. В советское время об этом избегали говорить, но известно, что в январе 1920 года Совнарком заявлял правительству Польши о готовности уступить белорусские земли западнее городов Дисна, Полоцк, Борисов, Паричи — почти всю территорию нынешней Республики Беларусь. Короче говоря, предлагалось провести границу по той линии, до которой дошли стремящиеся на восток польские войска. Прими Пилсудский это предложение, могло бы не стать земли, необходимой для восстановления БССР по завершении войны. Но Пилсудский не согласился — он хотел большего, а Красная Армия, разбив Врангеля, сконцентрировала свои силы против Польши. Полякам пришлось уходить, и оказалось, что "отступающие из Беларуси под напором войск Тухачевского польские части никто не провожал с сожалением", констатировал через семьдесят лет ещё один польский учёный Богдан Скарадзинский в своей книжке "Белорусы, литовцы, украинцы", изданной в Белостоке в 1990 году. Более того, удручался он, нередко вслед легионерам, как повсеместно на наших землях называли польских солдат, звучали не только проклятия, но и выстрелы.

По Рижскому договору, завершившему ту войну, Польша брала на себя обязательство строго блюсти интересы национальных меньшинств. Согласно его седьмой статье за белорусами признавалось право на самостоятельное политическое, культурное, экономическое развитие. Однако к марту 1923 года из 400 существовавших белорусских школ было закрыто 363. В 1938/1939 учебном году в Западной Белоруссии оставалось всего пять польско-белорусских школ и одна гимназия. То же произошло с белорусскими учреждениями культуры и общественными организациями. Неприкосновенность частной собственности, закреплённая в Польше в 1921 году, не распространялась на восточные окраины. О национальной "терпимости" в предвоенной Польше красноречиво говорят слова одного из польских идеологов того времени, который утверждал, что с белорусами надо разговаривать на языке "виселиц и только виселиц... Это будет самое правильное разрешение национального вопроса в Западной Белоруссии".

Подводя итог пребыванию западных белорусов в польском государстве между двумя мировыми войнами, Богдан Скарадзинский пишет: "С белорусской стороны — это усиление негативного опыта и по отношению к польскому

государству, и по отношению к полякам. Только отказ от собственных национальных устремлений давал им возможность построить хорошие отношения. Такой была цена сделки, но... никто из известных белорусов не хотел её платить. С польской же стороны было благое представление, что проблемы не существует. Благодаря привлекательности нашей культуры, польскоязычной школе, армейской службе со временем белорусы полонизируются, а та их часть, которая принадлежит к католичеству, будет авангардом этого процесса. Остальные пусть себе спокойно тешатся “беларускімі думкамі” и по-своему вышивают сорочки... Радикально недовольные – это уже не национальная проблема, а попросту “коммунистическая инфильтрация”. Для них были созданы... “специальные органы порядка... Как народ, мы были хозяевами ситуации на западных белорусских землях как никогда ранее и никогда позже. И ничего для других не сделали там хорошего...”.

На Брестчине ещё живы люди, которые расскажут, что в школе, например, нельзя было ни слова произнести не по-польски. Нарушивших этот запрет ждало наказание “лапой” – длинной деревянной линейкой, которой учитель бил провинившихся по ладони. Те, кто попробовал “лапы”, помнят ту экзекуцию до сих пор. Однако, справедливости ради, напомним, что власти довоенной Польши действовали таким образом не только по отношению к белорусам и украинцам. В октябре 2008 года одна из российских газет перепечатала статью чешского журналиста Яна Новака о том, как осенью 1938 года в Тешинскую область Чехословакии после печально известного Мюнхенского сговора вступали не эсэсовцы, а польские солдаты. Первой самой “важной” реформой поляков после занятия Тешина, с горечью напоминает Ян Новак, стал... запрет чешских школ и чешского языка. “Поляки немилосердно преследовали чехов, – приводит Новак слова чешского генерала Векирека, – терроризировали увольняемых, выбрасывали из домов, конфисковывали имущество. Всё, что было чешское, уничтожалось. Даже за традиционное чешское приветствие “На-здар” был введён штраф в четыре злотых. Не терявшие присутствия духа чехи так и стали приветствовать друг друга: “Четыре злотых!” Чешские названия устранились даже с мигал.

На этом фоне большевики выглядели явными чужаками. Вот что о таком “чужаестве” в своём труде “Репрессии оккупантов в Львовском политехническом институте (1939–1945 г<оды>)” написал пан З. Поплавский. Оказывается, после занятия Львова большевики собрали профессуру на собрание. Они заявили, что довольны высоким уровнем преподавания в институте и всех сохранили на своих должностях. Даже проректором по научной работе остался поляк. Однако Советы отменили празднование Рождества и Пасхи и заставили уважаемых профессоров посещать курсы украинского и русского языков, а ещё – изучать историю ВКП(б). Стерпеть это было невозможно! Но летом 1941 года во Львов пришли немцы. Они не стали создавать курсов по изучению “Майн кампф”, а немедленно прикрыли политехнический институт, разогнав его сотрудников, зявит по этому поводу российский историк Елена Яковлева, цитируя З. Поплавского. Та же Елена Яковлева приводит любопытную выдержку из воспоминаний Ирены Андерс – жены Владислава Андерса, командовавшего сформированным в 1941 году в СССР польским корпусом, ушедшим затем в Иран и на Ближний Восток: “...Известные артисты и музыканты массово убежали от немцев и очутились во Львове, в западне большевистского врага... Артистов эстрады, к которым я относилась, разделили на четыре ансамбля, которые обязаны были ездить по всей России (ужас! – Авт.) до самой Сибири (ещё ужаснее!! – Авт.), чтобы, как им было сказано, “пропагандировать польское искусство (вот-те раз!!! – Авт.)”. ...Одиннадцать месяцев я ездила с группой великолепного композитора Хенрика Варса... Мы жили в поездах, полных вшей и клопов, выходили на сцену с бурчащими от голода животами”.

Получается – чёрт знает что вытворяли большевики! Гитлеровцы сразу же закрыли все драматические театры, оставив только кабаре, запретили полякам посещение музеев, картинных галерей, спортивных клубов, вывесили во многих местах таблички: “Кроме собак и поляков”. Им и в голову не пришло создавать какие-то группы для пропаганды польского искусства среди баварцев, саксонцев, мекленбуржцев.

В 1944 году в Польшу к власти пришли коммунисты. Что нового это внесло в ситуацию с “белорусским вопросом”? Лучше всего ответить на него фактами и выводами польских белорусов, взятых из книги “Гісторыя Беларусі ад

сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст.”, изданной белостокскими учёными Олегом Латышонком и Евгением Мироновичем в 2010 году. По их оценкам, на Белосточчине тогда жило примерно 125 тысяч белорусов. “В августе 1944 года ведомство образования ПКНО (Польский Комитет Национального Освобождения. — Авт.) дало разрешение на создание в Белостокском воеводстве школ с белорусским языком преподавания, а местные власти доброжелательно отнеслись к развитию институциональных форм национальной жизни белорусов. Была разрешена, среди прочего, деятельность театрально-музыкального кружка “Польмя” (“Пламя”)... В сентябре 1944 г<ода> функционировали уже 93 школы, в которых изучали белорусский язык, а в октябре это число возросло до 114. Возникли также 3 средние школы...”.

Однако 10–11 октября в Люблине состоялась конференция воеводских и уездных секретарей ПРП (Польской рабочей партии. — Авт.), которая приняла концепцию государства без национальных меньшинств... Решение было обосновано плановым переселением белорусов в СССР, потому создание для них школ в Польше считали нецелесообразным... В 1945–1947 г<одах> государственная пропаганда создавала модель Польши как этнически однородного государства. При перечислении достоинств новой границы на востоке подчёркивалось, что Польша избавилась от национальных меньшинств и всех хлопот, связанных с их существованием... Ради этого власти старательно заботились, чтобы белорусы, занимавшие должности в партийно-государственном аппарате или хотя бы бывшие милиционерами, не подчёркивали своего непольского происхождения... Закрывались белорусские школы, если польское меньшинство на территории гмины протестовало против их существования... Хотя белорусское население и было лояльным к властям, его существование для последних делалось невыгодным. Шанс на решение проблемы давала эвакуация белорусов в БССР. С середины 1945 года формулу добровольной репатриации власти предлагали заменить на принудительную...”.

В свою очередь, белорусы в страхе перед принудительным выселением с давно насыщенных мест уже не выставляли требований национального характера. Их пассивность привела к тому, что “белорусов перестали рассматривать как отдельное национальное сообщество... Быть белорусом становилось очень трудно... Людей белорусского происхождения рассматривали как полноправных граждан при условии, что они никоим образом не демонстрируют своего национального отличия. Им был дан доступ во все институты, которые были составными частями народной власти — милиции, армии, партии, народных советов... Они получили полные права как поляки и никаких — как белорусы... В конце 1945 года было 105 школ с белорусским языком преподавания, .. в декабре 1947 года — 7. Ликвидируя белорусские образовательные учреждения, школьные власти часто называли националистами и сепаратистами тех, кто выступал в защиту белорусского просвещения... В конце 1946 года проблема белорусов в Белостокском воеводстве была официально признана несуществующей”.

О. Латышонк и Е. Миронович пишут, что “белорусский вопрос” в ПНР переживал разные периоды. Уже в 1949 году снова были разрешены белорусские школы. В 1950 году их стало 39, в том числе две — средние: лицей в Бельске-Подляском и гимназия в Гайновке. В то же время, несмотря на существование таких школ, подчеркивают авторы, “о белорусах, которые жили в Польше, ничего не писалось в прессе, о них ничего не говорилось в радиопередачах, .. нигде, даже на местном уровне, не делалось попыток развеять в сознании поляков видение Польши как этнически однородного государства”. “Оттепель” середины 50-х годов XX века, начавшаяся после смерти Сталина, привела в том же Белостокском воеводстве “к вспышке враждебности по отношению к белорусам, а среди последних вызвала новую волну страха перед возможными последствиями внутреннего польского конфликта... Стереотип белоруса-коммуниста, который ожидает присоединения Белосточчины к Советскому Союзу, в сознании поляков существовал так же долго, как в сознании белорусов — стереотип поляка-националиста и вылюдка, который убивает беззачетных крестьян за их национальную и религиозную особенность...”

И тем не менее, “оттепель” дала некоторые результаты. В начале 1956 года было принято решение о создании Общества белорусской культуры, аккредитованного при Белостокском правлении Общества польско-со-

ветской дружбы. Появился белорусский еженедельник “Нива”. Во время состоявшихся в том же году выборов в сейм власти “не возражали, чтобы в избирательных списках появлялись кандидаты, которые идентифицировали себя в качестве белорусов, но на уездном уровне подчёркивалось, что будущие депутаты не могут представлять национальные интересы – только общественные”. Следующие “1960-е г<оды> характеризовались наиболее интенсивным развитием белорусской жизни в Народной Польше. Этнографический музей в Беловеже, Белорусский ансамбль песни и танца, а также эстрадная группа “Лявониха” приобрели значение на культурной карте не только региона, но и всей страны”.

Однако “во второй половине 1960-х г<одов> вновь начала меняться атмосфера вокруг национальных меньшинств в Польше. . . Политика властей отчётливо была направлена на то, чтобы минимизировать белорусскую проблему. . . Были обозначены пределы официальной белорусскости, которые ограничивались только фольклором. . . В 1970 году был ликвидирован педагогический лицей с белорусским языком обучения в Бельске-Подляском, который готовил учительские кадры для сельских школ. В следующем году школы с белорусским языком преподавания практически прекратили своё существование. . . Прекратилось издание учебников, ширились суждения, что этот язык в Польше никому не нужен”.

Авторы констатируют, что “образование большинства белорусских детей начиналось в польской школе, в которой у них, прежде всего, формировали чувство гордости за достижения польской культуры и национальную историю. После десяти с лишком лет обучения молодой человек искренне заявлял о своей принадлежности к польскому народу. С белорусской культурой он обычно не имел никаких контактов, потому тоже с удивлением, как и каждый поляк, слушал голоса немногочисленных белорусских интеллектуалов, которые призывали не отказываться от родного языка и традиций. Для тех, кто родился в Белостоке, Бельске-Подляском или Гайновке, единственным языком, который они знали, был польский язык. Чаще всего он был и языком семейной среды”.

И всё-таки большинство белорусов, “находясь в польском окружении, замечали, что, несмотря на их внешнюю схожесть с польскими друзьями, их внутренний мир был иным”. Возрождение польской национальной мысли на рубеже 70–80 годов “вдохновило молодых белорусских интеллигентов на постановку вопроса о собственной идентичности”. Однако очередной польский политический перелом на рубеже 80-х большинство белорусов приняло с беспокоеством, отмечают О. Латышонок и Е. Миронович. “Солидарность” на Белосточчине воспринималась как “национально польское и подчеркнуто католическое движение. Хотя вначале к этому движению присоединилось немало белорусов, они очень быстро покинули его ряды. . . В Белостоке достаточно было продемонстрировать языковое отличие, чтобы оказаться в публичной изоляции. Публичная беседа по-белорусски воспринималась как своеобразная провокация”. Больше настойчивости и твёрдости проявили белорусские студенты, добиваясь согласия на создание собственной организации. Однако после двух месяцев ожидания студенты получили ответ министерства просвещения, что “Белорусское объединение студентов не может быть зарегистрировано, так как подобные цели и задачи среди молодежи уже осуществляют польские студенческие организации и Белорусское общественное культурное общество”. В то же время был зарегистрирован Союз африканских студентов. . .

Тем не менее, процесс создания белорусских организаций не прекратился. Состоялся съезд Белорусского демократического объединения. Способствовали тому и требования Евросоюза, куда активно стремилась Польша. Стал выходить белорусско-польский ежемесячник “Czasopis”, Белорусское историческое общество два раза в год издаёт “Białoruskie Zeszyty historyczne”, появились Белорусское литературное объединение “Беловежа”. Многие стало возможным благодаря помощи министерства культуры и искусств и его бюро по делам культуры национальных и этнических меньшинств. Но в конце девяностых, констатируют авторы, в польской внутренней политике вновь проявились явные тенденции к отходу от содействия национальным меньшинствам. Окончательный вывод лишён оптимизма: “Белорусская проблема в общественном измерении перестала существовать. Теперь нет ни одного центра, который бы осуществлял действия национального характера. . . В конце концов, обозначенный властями ареал активности – преимущественно охрана фольк-

лора и народных традиций – никак не способствует развитию современного национального самосознания польских белорусов”.

Остается вспомнить слова Богдана Скарадзиньского: пусть белорусы тешатся своими “беларускімі думкамі” и по-своему вышивают сорочки. Многие из них так и поступают. На международные книжные выставки, которые каждый год в начале мая проходят в Варшаве, по приглашению белорусского посольства всякий раз приезжал самодеятельный художественный ансамбль из окрестностей Белостока. В белорусских сорочках. С белорусскими народными песнями, которые исполняются уже с заметным польским акцентом. Песен, написанных современными белорусскими композиторами, в репертуаре нет, их даже не знают, в чём открыто признаются. В обычном общении между собой участники ансамбля, особенно молодые, общаются по-польски.

Во всей нынешней Польше, согласно переписи 2011 года, белорусами называли себя 31 тысяча человек; по итогам переписи 2002 значилось 48 тысяч. Правда, представители белорусских национальных организаций утверждают, что на самом деле белорусов в Польше около 200 тысяч, но они предпочитают вслух об этом не заявлять, как это было и сразу же после войны при польских коммунистах, о чём и говорили О. Латышонок и Е. Миронович. Вот и получается, что к “белорусскому вопросу” подход в Польше не очень-то зависит от того, какая политическая сила находится у власти...